

УДК 81'276.6:34
DOI 10.17223/18137083/53/15

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет

Юридическая терминология в контексте доктринального толкования

Статья посвящена лингвистическим и герменевтическим аспектам доктринального (научного) толкования текста закона. Обосновывается необходимость лингвистического подхода к толкованию текста закона, главной особенностью которого является трактовка толкования как понимания и интерпретации текста как обычного речевого произведения с его неизбежной субъективностью и разнообразием вариантов интерпретации. Доказывается, что такой подход является значимым для теории и практики права. В очерченном плане анализируется доктринальное толкование, которое в теории государства и права рассматривается как разновидность неофициального толкования. Данный вид толкования редко становился предметом научного исследования. В статье рассматриваются его особенности. На материале трактовки терминов «презумпция невиновности» и «аутентичное толкование права» в научной литературе прослеживаются закономерности смыслообразования при научном подходе к терминам. Основной акцент делается на вариативности результатов смыслообразования в научном творчестве, неотрывно связанного с научным плюрализмом.

Ключевые слова: правовая коммуникация, юридическая терминология, неофициальное толкование текста закона, доктринальное толкование текста закона, множественность интерпретации текста закона, конфликт интерпретаций.

Проблема юридического языка и юридического дискурса, рассматриваемая в настоящей статье, включена в разные парадигмы, являющиеся сторонами как лингвистической, так и юридической области знания.

1. Лингвистическая парадигма вытекает, в частности, из такого широкого феномена, как взаимодействие разных типов дискурсов. Например, научный дискурс взаимодействует с учебным, публицистическим или рекламным дискурсами. Вследствие этого научный дискурс, адаптируясь, на определенном этапе, существ-

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; ngolevd@mail.ru)

ISSN 1813-7083 Сибирский филологический журнал. 2015. № 4
© Н. Д. Голев, 2015

венно преобразуется, подчиняясь закономерностям дискурса-субстрата¹. Подобным образом официально-деловой и юридический дискурсы вовлекаются в художественный, рекламный и публицистический дискурсы. Непосредственным предметом настоящей статьи является взаимодействие научного и юридического дискурса, происходящее на внутренней «площадке» юридического функционирования русского языка. Проблема рассматривается на материале терминологической компоненты юридического дискурса и текста (как опредмеченного дискурса). Вопрос существенно осложнен внутренней противоречивостью юридического дискурса, распадающегося в рассматриваемом аспекте на два плана: дискурс научной юридической деятельности и собственно правовой дискурс, образуемый, с одной стороны, законотворческой деятельностью (создание текста закона) и, с другой стороны, законоприменительной (толкование текста закона). Сложность проблемы заключена в сложности взаимодействия названных планов. На наш взгляд, довольно противоречивы их детерминационные отношения. В теоретико-правоведческой литературе часто подчеркивается первичность юридической науки по отношению к юридической практике, как законодательной так и законоприменительной. Применительно к терминам это означает, что именно ученые-юристы задают их содержание и что законодательная сфера формирует внутренний дискурс-субстрат, в рамках которого функционирует научный дискурс, выступающий как внешний дискурс-адстрат. Однако анализ конкретных научных работ, связанных с юридической терминологией, показывает, что такая детерминационная линия не столь однозначна и что сложившиеся в юридической практике термины лишь как бы осваиваются юридической наукой, которая тем самым способствует их легитимизации. При таком видении проблемы в качестве дискурса-субстрата выступает уже научный дискурс. Таким образом, антиномия «наука и ее объект» весьма своеобразно преломляется в юриспруденции². Отмеченную противоречивость модальностей (а это именно модус, а не диктум) подчеркивает реальная семантика и реальное функционирование самого термина «юриспруденция», его трактовка в науке и, наконец, в законодательстве. Отметим, что они весьма неопределенны и в первом, и во втором, и в третьем случае. Видимо, не случайно в официальном «Русском юридическом словаре» (М., 1999) этот термин (как и такой его коррелят по линии «действительность – наука», как «правоведение») отсутствует. (Тогда возникает вопрос: возможно, «юриспруденция» – еще не термин или уже не термин?) Что касается реальной семантики, то данное неопределенное положение хорошо отражает неофициальный источник – статья П. Филина «Юриспруденция – что это? Право, юриспруденция. Институт юриспруденции?», найденная нами в Интернете. Приведем здесь ее фрагмент: «За долгий период научной практики, длившийся тысячелетиями, специалисты пришли к выводу, что под юриспруденцией нужно понимать науку, исследующую право и государство. Это своеобразная теоретическая форма и метод производства и усовершенствования юридических знаний. В то же время она представляет собой совокупность распространенных в обществе сведений о праве. Еще во времена Древнего Рима юриспруденция обособливается в отдель-

¹ Несколько примеров, иллюстрирующих особенности исследований взаимодействия такого рода: [Голев и др., 2011; Григорьева, 2013; Супрунова, 2015].

² Подобные сложные отношения, по-видимому, имеют аналоги и в других дискурсах, например в отношениях религиозного и богословского дискурсов. Полагаем, что применительно к терминологии эта проблема имеет более широкий контекст и с ней сталкиваются все ученые, занимающиеся терминологией и, следовательно, решающие вопрос о том, какие термины следует предлагать общественности и тем самым легитимизировать их, например, через справочники и словари – взятые «из жизни» или созданные в научных кабинетах и лабораториях (первичный очерк названной проблемы дан нами в [Голев, 2012а; 2012б]).

ную науку (около III в. до н. э.). Живший тогда ученый Цельс определял ее как *ars boni et aequi*, в переводе с латинского языка – “искусство добра и эквивалент равновесия справедливости, соответствия, соразмерности”. Но было и другое мнение: юрист Ульпиан утверждал, что наука эта – “знание правового и неправового”. Многие из нас и сейчас не могут достоверно объяснить суть буквального смысла определения “юриспруденция”³. Для нас в этом фрагменте ключевой является фраза «специалисты пришли к выводу, что под юриспруденцией *нужно понимать*» (выделено нами. – Н. Г.), в которой отражена неустойчивость модусов: предикат «нужно понимать» подчеркивает, что природа научной терминологии является конвенциональной и что деятельность ученого-юриста в области юриспруденции заключается именно в ее конвенциализации. В юридическом контексте это особенно значимо, потому что понятие конвенциализации в названной области едва ли не напрямую соотносится с понятиями официализации и легитимизации.

2. Настоящая статья включена также в серию исследований неофициального толкования права, принадлежащую представителям кемеровской юрислингвистической школы. В основном их предметом явилось обыденное толкование, понимаемое как интерпретация текста закона или его компонентов (прежде всего – юридических терминов) рядовыми законопослушными гражданами (см., например: [Голев, 2002; 2014; Воробьева, 2011] и т. д.). Подход, представленный в данных исследованиях, может быть охарактеризован как лингвистический: рядовой носитель языка подходит к тексту закона как к обычному тексту (его специализированность остается для непрофессионала за скобками). Отсюда вытекает, что в обыденном толковании действуют механизмы естественной интерпретации текста, в которых превалирует интуитивно-холистическое начало, во многом опирающееся на субъективно-личностный опыт читателя-непрофессионала. Отсюда – естественная вариативность в понимании любого текста [Ким, 2013], тем самым обыденное толкование неизбежно вступает в конфликт с официальным, исключая эту вариативность (по крайней мере, в декларируемых требованиях к созданию текста закона и его толкованию). Представители кемеровской школы не считают на этом основании возможным объявлять неофициальное толкование чем-то ущербным, периферийным, подлежащим преодолению. Напротив, они полагают, что необходимо представлять, как устроены механизмы обыденного толкования (понимания) текста закона, хотя бы для того чтобы законодатель мог учитывать их в своей деятельности и составлять текст закона с учетом того, как его слово отзовется. Рядовой носитель языка – вовсе не факультативный читатель этого текста. Он, как законопослушный гражданин, основной участник правовой коммуникации, являющейся в своей основе диалогом народа и власти.

В настоящее время толкование текста закона – в основном предмет теоретической и практической (мы имеем в виду законодательную и законоприменительную практику) юриспруденции. В юридической литературе, в теории государства и права проблеме толкования уделяется много внимания, в частности, разработаны основные виды толкования-разъяснения правовых норм по его статусу: официальное и неофициальное. Но основное внимание принадлежит официальному толкованию.

3. Собственно юридический аспект проблемы определяется тем, что толкование текстов закона (шире – права) представляет собой органическую часть правовой коммуникации. Все разновидности неофициального толкования (профессиональное, доктринальное и обыденное) объединяются тем, что, в отличие

³ Филин П. Юриспруденция – что это? Право, юриспруденция. Институт юриспруденции? URL: <http://fb.ru/article/142732/yurisprudentsiya---chto-eto-pravo-yurisprudentsiya-institut-yurisprudentsii>

от официального толкования, восходящего к одному источнику и «ориентирующему субъектов правореализации на однозначное понимание толкуемой нормы и правильное ее применение» [Матузов, Малько, 2004, с. 169], даются не уполномоченными на то субъектами, а акты неофициального толкования «не принадлежат к числу юридических фактов и не влекут юридических последствий» [Осипов, 2001]. Главная причина этого – активное и неизбежное присутствие индивидуально-субъективного фактора, ведущего в бесконечному вариативному смыслообразованию [Голев, 2012а; 2012б].

Законодательный орган при официальном толковании (особенно аутентичного типа) – источник единообразия. Его толкование предполагает предписательный модус. Неофициальный же субъект толкования понимает текст закона, как он его понимает. Из этого вытекают неизбежность и необходимость множественности интерпретации и, соответственно, конфликт интерпретаций.

В юридической литературе основное внимание сосредоточено на официальном толковании права по причине его исключительной важности и обязательности. В первую очередь на том, как добиться единообразия в толковании норм права. Для этого существует «юридическая техника – система средств, правил и приемов подготовки и упорядочения правовых актов, применяемая в целях обеспечения их совершенства и повышения эффективности» [Матузов, Малько, 2004, с. 148].

Неофициальное же толкование текста закона и юридических терминов изучено в меньшей степени. В учебных пособиях и монографиях показаны общие теоретические представления о данном виде толкования: дается его определение, указываются особенности неофициального толкования и его разновидности (например, в учебниках по теории государства и права под редакцией С. С. Алексеева [Теория государства и права, 2005]; Н. И. Матузова, А. В. Малько [2004]). Л. В. Соцуро [2000] более подробно рассматривает данный вид толкования. Он выделяет место и роль неофициального толкования в системе средств и способов познавательной и разъяснительной деятельности, а также рассматривает структуру неофициального толкования, его принципы, виды, подробнее останавливаясь на каждом из них.

Доктринальное толкование трактуется как разновидность неофициального толкования. Ему посвящены немногие работы ученых-правоведов. Так, исследователи Е. А. Цишковский и С. С. Кузакбирдиев раскрывают его характерные черты. Ученые говорят о субъектах научного толкования права, о формах результата толкования и о технологии, «т. е. методах и способах анализа и разъяснения воли законодателя», которая «в конечном счете обеспечивает глубину, качество, компетентность и объективность полученных результатов» и «связывает субъекта-интерпретатора и форму результата толкования». Кроме того, исследователи подчеркивают значение неофициального толкования, говоря о том, что «научно обоснованные взгляды и рекомендации могут оказать и действительно оказывают существенную помощь правоприменительной практике, определяющим образом влияя на нее» [Цишковский, Кузакбирдиев, 2008].

Ценность доктринального толкования, по мнению ученых-правоведов, заключается в аргументированности, доказательности, обоснованности результатов толкования. В анализируемой нами парадигме данный вид толкования занимает особое положение и весьма интересен как объект изучения. Мы рассматриваем далее научное толкование с герменевтической и лингвокогнитивной точек зрения. Субъект доктринального толкования – научный работник – профессиональный юрист с высшим образованием, что исключает трактовку данной разновидности неофициального толкования текста закона как неспециализированную или непрофессиональную. Напротив, ученый в силу высокой юридической квалификации прекрасно осознает специфическое предназначение правовой коммуникации

и специального юридического языка, ее обеспечивающего. В своих исходных презумпциях юрист-ученый исходит из потребности обеспечить единообразие толкования текста закона и его элементов. Так, например, огромное количество научных статей теоретиков права на темы юридического толкования является анализом отдельных терминов. В них ученые рассматривают несколько определенных исследуемого явления и выбирают одно, на их взгляд более точно описывающее объект их изучения.

Непосредственным объектом анализа в настоящей статье выступают базовые элементы правовой коммуникации и текста закона – юридические термины, которые рассматриваются в рамках подхода, очерченного выше и квалифицированного нами как собственно лингвистический подход. В работе [Голев, 2012б] мы уже отмечали то, что процессы терминотворчества и терминопотребления неизбежно (а возможно, и необходимо!) включены в естественное функционирование языка, органической частью которого является терминология, и во многом подчинены его закономерностям: термины создаются по законам естественного языка, входят в узус по законам его стихийного функционирования, употребляются и интерпретируются в речемыслительной деятельности так же, как слова в обычном речеупотреблении. В этом мы видим необходимость изучения неофициального толкования в объективистской модальности. В настоящее время в картине научного познания практически не находит места второй субъект научной коммуникации – потребитель научной продукции. Не учитывается то обстоятельство, что реальное бытие термина в научном сообществе может быть весьма дистанцированным от авторского замысла, авторских приоритетов, в том числе официально (а нередко и юридически) закреплённых. Говоря о неофициальном толковании, ученые-юристы чаще всего имеют в виду толкование права вообще, реже – толкование закона, еще реже – текста закона. Неофициальное толкование терминов появляется в исследовательском поле теории права как пример искажения правильного понимания, как фон для демонстрации правильного отношения к смыслообразованию и/или доказательству его необходимости в теории права и практической правовой коммуникации.

Неофициальное толкование *терминов* – сложный объект, предполагающий серию исследований в разных аспектах, один из которых – лингвистический. В теории права практические исследования, посвященные данному виду толкования и его разновидностям, отсутствуют. Выявление и описание законов функционирования юридических терминов в сфере неофициального толкования только начинается. Этому посвящены работы М. Е. Воробьевой [2011], Л. А. Маршавы [2012]. Цель нашего исследования – показать связь неофициального толкования с особенностями научного познания. Что касается научного (доктринального) неофициального толкования как специфического феномена, то оно представлено единичными исследованиями отдельных терминов под особым углом зрения, который можно квалифицировать как *нормативный*. При этом во многих из них затрагиваются общие понятия теории государства и права. Если обыденная разновидность неофициального толкования права изучается в основном путем опросов рядовых носителей языка, то для выяснения презумпций и содержания результатов доктринального толкования такой необходимости нет – оно непосредственно воплощено в научных текстах и задача исследователя – извлечь его из данных тестов путем анализа. Приведем несколько образцов подобного рода исследований.

Так, например, А. В. Литвинова описывает разные подходы к определению термина «правопорядок», обнаруживает удачные и неудачные стороны в приведенных определениях и останавливается на одном из подходов, который, по ее мнению, лучше всего раскрывает суть такого явления, как «правопорядок» [Литвинова, 2013].

Н. Н. Павлова, рассматривая понятие «источник гражданского права», концентрирует внимание на том, что единого определения у анализируемого термина нет и ряд подходов к нему недостаточно разработан [Павлова, 2012]. Исследователь приводит узкое, формально-юридическое понимание «источников гражданского права» и останавливается на том, что выражение «источник гражданского права» не вполне ясно, спорно и неопределенно и что это говорит о многосторонности и неоднозначности явления.

Е. Г. Зинков говорит о различных исследованиях ученых, описывающих формирование и функционирование термина «пространство» в праве, а также раскрывающих значение данного понятия [Зинков, 2011]. Автор приводит классическое и философское определения термина «пространство», говорит об универсальных свойствах этого термина и делает вывод о том, что есть «пространство в праве».

Но есть и ряд других статей, посвященных анализу отдельных терминов, основная целевая установка которых – «данный термин следует понимать так, а не иначе». А то, что он трактуется не так и по-разному, – квалифицируется как недостаток существующего положения, мешающий эффективной правовой коммуникации и подлежащий исправлению. Таким образом, модус *как должно быть* явно превалирует над модусом *как есть в реальности*, а именно этот, объективистский модус является основным модусом собственно научного исследования. По этой причине весьма характерным для многих этих работ, посвященных терминам, является модус придания научным исследованиям статуса прикладных.

Для иллюстрации сказанного проанализируем статью А. Ю. Рябовой «Правовое понятие “мошенничество на рынке ценных бумаг”»: семантическая размытость» [Рябова, 2012]. Исследование своим содержанием хорошо иллюстрирует конфликт модальностей, очерченный нами в начале статьи. Автор работы ставит задачу соотнести варианты содержания обозначенного в ее заголовке понятия, репрезентируемого в трех видах правового дискурса – в учебной и научной литературе и в законодательных текстах. Проанализировав с данной точки зрения ряд научных статей, дефиниций в словарях и в действующем Уголовном кодексе, автор делает вывод о наличии в последнем моментов семантической неопределенности, смысловой неясности, размытости границ между родовым и видовым компонентами анализируемого понятия. Исходя из априорной негативной оценки таких характеристик текста закона, как его неопределенность, размытость, неясность, автор заключает: «Принимая во внимание то, что основным источником права является закон, необходимо независимо от идеальности или отсутствия такового изложения уголовно-правового запрета опираться на законодательную конструкцию понятия “мошенничества”. Как гласит известное латинское изречение: “*Dura lex, sed lex*” (лат. – закон суров, но это закон)» [Там же, с. 53]. Как видим, презумпция примата официального (и стоящего за ним аутентичного) толкования диктует и здесь необходимость подчинения ему всех форм неофициального (в том числе научного, или доктринального) толкования – «необходимо опираться на законодательную конструкцию понятия мошенничества». Таким образом, юриспруденции как науке вменяется простое, прагматически обусловленное обслуживание потребностей законодателя, то есть комментирования *уже действующего закона*. В таком случае истина, на которую направлен научный поиск, уже известна и заключена в воле законодателя, а противоречия текста должны быть сняты путем подведения их под содержание таковой воли. Истина из плоскости соответствия научных тезисов и теорий действительности переходит в плоскость конвенциональной правильности (подробнее о трактовке критерия правильности в теории правовой коммуникации см. в наших статьях [Голев, 2009, с. 404–407; 2012a]), которую и олицетворяет формула позитивного права «*Dura lex, sed lex*». Таким образом, как было показано выше, аутентичное толкование в сфере обыденного неофициального толкования текста закона ведет к отчуждению

толкования от адресата и, соответственно, от непосредственно вытекающего из текста содержания. Тем самым в научном неофициальном толковании текста закона обнаруживается тенденция к дистанцированию его от социальной действительности. В статье [Голев, 2002] мы уже отмечали и обсуждали данную антиномию применительно к деятельности лингвиста-эксперта и отношению к экспертизе в суде. Эксперт как специалист должен стремиться к объективной истине (соответствию языковой действительности), однако для суда в неменьшей мере значим критерий легитимности источников, и от этого критерия во многом зависит оценка судом качества (точнее – применимости для вынесения вердикта) результатов. Поэтому качественное, глубокое, многостороннее исследование (особенно с нежесткими результатами) вовсе не означает, что именно его выберет судья в качестве доказательной базы. Подобным образом аутентичное толкование олицетворяет следование критерию легитимности, а глубокое научное исследование, отражающее диалектику объекта, является в правовой коммуникации всего лишь одной из разновидностей неофициального (= нелегитимного) толкования.

Субъективно-индивидуальный характер научного творчества, неизбежно присутствующий в любом исследовании, противостоит модусу ориентации на официальное толкование и его главному требованию – неприемлемости множественности и вариативности толкования текста закона. Мы подробно рассмотрели этот конфликт в другой социальной плоскости – сфере высшего образования. С одной стороны, она ориентируется на научный подход, с другой стороны – на требование неукоснительно выполнять предписываемые официальными органами образования программы и учебные планы [Голев, 2012а]. Интересно отметить, что проблема научного плюрализма и научных школ, представленная в нашем (лингвистическом и герменевтическом) исследовании, контрастирует с тем, как эта проблема предстает в юридическом исследовании. В статье С. С. Кузакбирдиева и Е. А. Цишковского [2008] она обсуждается сугубо в правовой парадигме – с точки зрения критериев выделения научных школ и соответственно – их юридического статуса.

Антиномия юридических и лингвистических (шире – научных) презумпций носит, по-видимому, универсальный характер и проявляется в разных областях на стыке языка и права: например, в юрислингвистической экспертизе. В статье [Голев, 2002, с. 21], мы указывали на то, что лингвистическая объективность ведет лингвиста-эксперта ко все большей глубине анализа сложной конфликтной ситуации и в силу этого, как правило, ко все большей неоднозначности ответа, объективно предполагаемой ее (ситуации) сложностью, тогда как юридическая строгость нуждается прежде всего в максимальной (насколько это возможно) правовой однозначности ответа: именно с целью ее достижения правовые органы и обращаются чаще всего к экспертизе и именно ее ожидают от экспертов.

Далее нами будет рассмотрено научное толкование юридической терминологии в *объективистском ключе*. Заметим, говоря о научных юридических терминах, что они могут рассматриваться в разных парадигмах. Термины в парадигме закона будут подчиняться официальному толкованию (характеризоваться нормативностью, стремлением к однозначности; призванием регулировать социальную норму). Термины же в парадигме научного познания будут характеризоваться субъективностью интерпретаций, синонимией, многозначностью и будут обусловлены объектом познания.

Исследование особенностей научного толкования терминологии мы будем строить на материале сравнения толкования терминов, представленного в словарях, и интерпретации терминов, представленной в статьях и монографиях. Дефиниции из словарей мы будем отождествлять с нормативным толкованием юридических терминов, поскольку они так же, как и термины закона, функционируют

в контексте однозначности. Термины же в статьях и монографиях функционируют по законам научной коммуникации, в том числе и вследствие воздействия неизбежного для нее научного плюрализма.

Мы предполагаем, что научная интерпретация явлений в словарях исходит из презумпций, дающих толчок центростремительным тенденциям, а в монографиях – центробежным. Таким образом, в поле научной интерпретации явлений выделяется устойчивая часть, которая станет нормативной, и вариативная, обусловленная субъективностью интерпретации и научным плюрализмом. Эти две части будут коррелировать между собой.

Для обоснования данного предположения было осуществлено сопоставление научного толкования двух юридических терминов «презумпция невиновности» и «аутентичное толкование права» в названных источниках – научных работах и словарях.

Рассмотрев дефиниции в словарях и статьях, Е.В. Городишенина составила таблицы, отражающие содержательное соотношение научного содержания терминов (монографии) и официально закрепленное содержание (словарно-справочные и учебные материалы) [Городишенина, 2013]. Результаты анализа показывают, что при толковании юридических терминов в словарях наблюдаются центростремительные тенденции: выделение ядерных признаков, «сжатие» значения, поскольку происходит ориентация на текст закона, который стремится ограничить вариативность интерпретаций. В монографиях же наблюдаются центробежные тенденции, так как наука ориентируется на научный поиск и интерпретацию явлений действительности.

Вариативность в толковании научных юридических терминов может быть обусловлена тем, что:

а) в научных статьях и монографиях при трактовке терминов исследователи по-разному расставляют акценты, выдвигая на первые план те, а не иные стороны исследования. Например, С. С. Кузакбирдиева, Ю. С. Романову, А. О. Устюгову [2011] интересуют соотношение правотворчества и аутентичного толкования права; С. В. Бошно рассматривает аутентичное толкование права как один из видов официального толкования права наряду с легальным и казуальным, делая акцент на признаках аутентичного толкования права и двойственности его структуры [Бошно, 2013];

б) одни и те же термины по-разному встроены в контекст научного исследования: для одних ученых принцип «презумпции невиновности» является объектом исследования [Ефимичев, 2012], но есть ученые, которые называют данный принцип «фикцией», поскольку «ни один здравомыслящий человек не будет исходить из предположения, что задержанное лицо невиновно...» [Там же, с. 85].

К понятию «аутентичное толкование права» в современной науке также относятся неоднозначно. М. Н. Карасев [2000] пишет о том, что «официальное толкование нормативных правовых актов не должно осуществляться в рамках законодательной инициативы, которой наделен достаточно большой круг субъектов, так как это может привести к весьма пагубному процессу. В результате будут толковаться нормы, порой и не требующие толкования, а само толкование может привести к еще большей неясности и двусмысленности» [Там же, с. 20]. Таким образом, разные точки зрения обусловлены разным подходом к дефинициям, расстановкой акцентов, что приводит не только к различию толкований в диктумном аспекте, но и в модусном (оценочном), который в наибольшей мере характеризует плюрализм. Ученые не могут не поставить термины в определенную парадигму, выбор которой (одной из многих) предопределен целевыми установками исследователя, имеющими во многом субъективную природу. Значение в диктумном плане может оставаться одним (презумпция невиновности по-прежнему будет определяться положением в праве, согласно которому обвиняемый (подсудимый)

считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке), но значимость (ее определяет парадигма) трактуемого понятия может меняться, в силу чего появляется его модусная оценка. Это еще раз показывает, что плюрализм и, как следствие, вариативность научного (неофициального!) толкования терминов не только неизбежны, но и необходимы (как фактор научного познания). На фоне такого рода вариативности становится понятным, почему доктринальное толкование в юриспруденции причисляется к разновидностям неофициального толкования.

Противоположный подход к вариативности толкования текста закона, реализованный в настоящей статье, связан с признанием его высокой познавательной ценности, проистекающей из его включенности в глубинные презумпции познания, герменевтики текста и слова и неотрывности от практики правовой коммуникации, субъектами которой являются не только специалисты в области права, но и рядовые законопослушные граждане (подробнее об этом: [Голев, 2012а; 2012б; 2014]).

Возвращаясь к тезисам, рассмотренным в начале статьи, зафиксируем еще один аспект противоречивого положения доктринального толкования в правовой коммуникации: с одной стороны, в теории права признается его высокая содержательная значимость и в соответствии с ней его детерминирующая роль по отношению к правовой практике, как законодательной, так и правоприменительной; с другой стороны, в практике эта роль сущностно ограничивается в статусном плане. В статье проанализированы причины такой противоречивости оценок роли подобного рода интеллектуальной деятельности.

Список литературы

Бошно С. В. Толкование норм права: приемы и виды // Право и современные государства. 2013. № 4. С. 17–25.

Воробьева М. Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка // Вестн. Кемеров. ун-та. 2011. № 3. С. 174–180.

Голев Н. Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 14–29.

Голев Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: Онтологический и гносеологический аспекты. Ч. II: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. Д. Голев; Кемеров. гос. ун-т. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 378–410.

Голев Н. Д. Вариативность метаязыкового сознания студентов-филологов и научный плюрализм (антиномический анализ проблемы) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Ч. 4. Кемерово, 2012а. С. 303–327.

Голев Н. Д. Научные термины как единицы стихийного функционирования языка: полемические заметки // Метаязык науки: Материалы Междунар. науч. конф. / Гл. ред. С. В. Лесников. Сыктывкар: СыктГУ, 2012б. С. 5–11.

Голев Н. Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 5–15.

Голев Н. Д., Журавлев Т. С., Хакимова И. С. Псевдонаучный дискурс рекламы: лингвокогнитивный и лингвоперсонологический аспекты // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2011. Вып. 1(45). С. 161–165.

Городишенина Е. В. Научная юридическая терминология в официальном и неофициальном толкованиях права // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 1-4(61). С. 153–157.

Григорьева О. С. Взаимодействие научного и учебного дискурсов (на материале ментальных перформативов) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 4(56). Т. 1. С. 152–156.

Ефимичев П. С. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2012. № 1. С. 88–100.

Зинков Е. Г. Термин «пространство» в теории права // Общество и право. 2011. № 4. С. 13–19.

Карасев М. Н. Некоторые аспекты толкования норм права // Журнал российского права. 2000. № 11. С. 20.

Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. М.: Ленанд, 2013.

Кузакбирдиев С. С., Романова Ю. С., Устюгова А. О. К вопросу о соотношении правотворчества и официального аутентичного толкования норм права // Академический вестн. 2011. № 3(17). С. 60–65.

Кузакбирдиев С. С., Цишковский Е. А. О правовом положении научных школ в системе МВД России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2(3). С. 91–100.

Литвинова А. В. К вопросу о понятии термина «правопорядок» в российском праве // Алт. юридический вестн. 2013. № 4. С. 77–81.

Маршав Л. А. Некоторые проблемы неофициального систематического толкования норм Конституции Российской Федерации // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2012. № 1. С. 25–27.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учеб. М.: Юристъ, 2004. 512 с.

Осипов А. В. Виды толкования права по субъектам // Теория государства и права: Курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юристъ, 2001. 776 с.

Павлова Н. Н. Анализ теоретических воззрений на термин «источник гражданского права» // Вестн. Самар. гуманитарной академии. Сер. «Право». 2012. № 1(11). С. 93–96.

Рябова А. Ю. Правовое понятие «мошенничество на рынке ценных бумаг»: семантическая размытость // Юрислингвистика. 2012. № 1(12). С. 50–54.

Соцура Л. В. Неофициальное толкование норм российского права: Учеб. пособие. М.: Профобразование, 2000. 112 с.

Супрунова И. В. Литературизация как аспект междискурсивного взаимодействия (на материале повести А. и Б. Стругацких «Сказка о тройке») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, № 2. С. 147–151.

Теория государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Норма, 2005. 496 с.

Цишковский Е. А., Кузакбирдиев С. С. Природа доктринального толкования права // Академический вестн. 2008. № 2. С. 73–79.

N. D. Golev

Juridical terminology in the context of doctrinal interpretation

The paper is devoted to linguistic and hermeneutical aspects of doctrinal (scientific) interpretation of the text of a law. The author substantiates the necessity for a linguistic approach

to the interpretation of the text of a law. The main peculiarity of such an approach is the interpretation of a law text as a common speech production act with its inevitable subjectivity and diversity of interpretational options. The paper affirms that this approach is significant for the legislative theory and practice. In the circumscribed aspect the author examines the doctrinal exposition, which is classified as a variety of unofficial exposition in the theory of State and law. Doctrinal type of exposition has rarely been a subject to scientific study. The paper considers its peculiarities. On the basis of handling the terms «assumption of innocence» and «authentic interpretation of the law» in scientific texts analysis is made of the regularities of sense-formation with the scientific approach to terms. The stress is made on the variability of the results of sense-formation, intimately associated with scientific pluralism.

Keywords: legal communication, juridical terminology, unofficial exposition of legislative language, doctrinal exposition of legislative language, plurality of interpretation of the text of the law, conflict of interpretations.

DOI 10.17223/18137083/53/15